

Географические образы и цивилизационная идентичность России: метаморфозы пространства в «Скифах» Александра Блока

ДМИТРИЙ ЗАМЯТИН

1. Географические образы и цивилизационная идентичность России

Географические образы и цивилизационная идентичность — взаимосвязанные явления. Феномен формирования и развития географических образов, так или иначе, связан с цивилизацией и культурой, в рамках которых он может быть обнаружен и осмыслен.¹ С другой стороны, определенные цивилизации и культуры как бы создают “заказ” на конкретные географические образы, отображающие и также выражающие цивилизационную и культурную идентичности.² Я полагаю, что любая цивилизационная идентич-

---

1 *Замятин Д.Н.* Моделирование географических образов. Пространство гуманитарной географии. Смоленск, 1999; *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб., 2003; *Замятин Д.Н.* Метагеография. Пространство образов и образы пространства. М., 2004; *Замятин Д.Н.* Власть пространства и пространство власти. Географические образы в политике и международных отношениях. М., 2004; *Замятин Д.Н.* Культура и пространство. Моделирование географических образов. М., 2006.

2 *Замятин Д.Н.* Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации. Стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов // *Цивилизация. Восхождение и слом. Структурообразующие факторы и*

ность содержит в себе в той или иной мере, в открытых или скрытых формах географические образы. Они — неотъемлемая и естественная часть цивилизационной идентичности. Другое дело, что сам “носитель” цивилизационной идентичности может не замечать этого. Исследователь, заинтересованный в комплексном изучении цивилизационной идентичности, должен, на мой взгляд, рассматривать и соответствующие географические образы, обнаруживаемые, прежде всего, в различного рода репрезентативных текстах, характеризующих конкретные цивилизацию и цивилизационную идентичность.

Следует учесть, что географические образы представляют собой, как правило, автономное целое, систему, которую можно исследовать, временно дистанцируясь от остальных частей и элементов цивилизационной идентичности. В то же время, некоторые географические образы могут достаточно полно характеризовать цивилизационную идентичность в ее основных проявлениях, быть, по сути, ее ментальным ядром. Это относится чаще всего к молодым цивилизациям в периоды их активного становления, причем важно отметить, что такие периоды могут совпадать с быстрым культурным и экономическим освоением обширных пространств, попадающих в зону влияния растущих цивилизаций. Наиболее яркие примеры здесь — североамериканская, латиноамериканская и российская цивилизации.³

субъекты цивилизационного процесса. М., 2003. С. 213–256.

3 *Замятина Н.Ю.* Локализация идеологии в пространстве (американский фронт и пространство в романе А. Платонова «Чевенгур») // Полюсы и центры роста в региональном развитии. М., 1998. С. 190–194; *Замятина Н.Ю.* Сибирь и Дикий Запад: образ территории и его роль в общественной жизни // Восток. 1998. № 6. С. 5–20; Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М., 1998; *Сармьенто Д.Ф.* Варварство — цивилизация. Избранные сочинения. М., 1995; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.) В 2-х тт. Т. 1. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. С. 51–53; *Цимбаев Н.И.* До горизонта — земля! (К пониманию истории России) // Вопросы философии. 1999. № 1. С. 18–42; *Яковенко И.Г.* Русское пространство // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский

Российская цивилизация, несмотря на ряд очевидных типологических сходств с североамериканской и латиноамериканской цивилизациями в становлении цивилизационной идентичности и роли в ней географических образов, имеет, тем не менее, свои особенности. В отличие от других российская цивилизация несмотря на многочисленные культурные заимствования у византийской и европейской цивилизаций является автохтонной. Кроме того, историческое время ее самостоятельного существования намного превосходит соответствующие показатели североамериканской и латиноамериканской цивилизаций. Наконец, что наиболее важно, пространства, оказавшиеся в зоне влияния российской цивилизации, входили большую часть рассматриваемого исторического времени в состав российского государства, будь то Московское царство, Российская империя, Советский Союз или Российская Федерация. Территории, не входящие в настоящее время в состав Российской Федерации, но входившие ранее в состав российских государственных образований, в значительной мере осмыслены и культурно освоены именно российской цивилизацией.⁴ Такая подавляющая моногосударственность в рамках одной цивилизации, причем государственность, распространившаяся на величайший в мире массив континентальной суши, безусловно, уникальна.

В отличие от китайской цивилизации, также моногосударственной, российская цивилизация сравнительно поздно стала обретать маркеры и символы собственной идентичности.⁵ Эту ситуацию

альманах. Вып. 1. М., 2004. С. 283–298; Edward L. Ayers et al., *All Over the Map: Rethinking American Regions* (Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1996).

4 Яковенко И.Г. Российское государство. Национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999.

5 Барabanов Е.В. Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 102–116; Гройс Б. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 52–60; Гройс Б. Россия как подсознание Запада (1989) // Гройс. Искусство утопии. М., 2003. С. 150–168; Щужин В.Г. Культурный мир русского западника // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 74–87; Мильдон В.И. “Земля” и “Небо” исторического сознания // Там же. С. 87–100;

можно увязывать в феноменологическом плане с длительным экстенсивным периодом территориального расширения российского государства, в ходе которого требовались в основном лишь политические образы и символы, призванные как бы «застолбить» новые территории. Цивилизационная идентичность населения многих присоединенных или завоеванных территорий долгое время могла оставаться неопределенной, переходной или даже совсем иной, как в случае Прибалтики, Польши, Финляндии, Кавказа и Средней Азии.⁶

Сравнительно поздний поиск Россией своих цивилизационных маркеров привел к тому, что физико-географические параметры ее государственной территории (почти небывалая в истории величина территории, климатическое и природное разнообразие) напрямую стали рассматриваться как возможные элементы цивилизационной идентичности. Вероятно, это была очевидная образная экономия — такой подход не требовал поначалу серьезных интеллектуальных и культурных усилий. Кроме того, иностранцы, в основном европейцы, уже успели оценить в своих путевых записках и трудах о России ее беспрецедентные пространственные размеры, заложив тем самым первоначальную культурную традицию феноменологии российских пространств.⁷

Однако, использование географических образов огромных, пугающих и бесконечных пространств в качестве одного из главных маркеров цивилизационной идентичности России породило и ряд проблем — как для исследователей, так и для авторов текстов,

---

Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М., 2001.

⁶ *Яковенко.* Российское государство.

⁷ См.: *Замятин Д.Н., Замятин А.Н.* (Авт.-сост.) Пространства России. Образ страны. М., 1994; *Подорога В.* Простирание, или География «русской души» // Пространства России. С. 131–136; Империя пространства. Хрестоматия по геополитике и геокультуре России / Сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. М., 2003; *Ахиезер А.С.* Российское пространство как предмет осмысления // Отечественные записки. 2002. № 6 (7). Пространство России. С. 72–87; *Смирнягин Л.В.* Культура русского пространства // Космополис. № 2. Зима 2002/2003. С. 50–59.

представляющих таким способом цивилизационное видение России. Для исследователей подобной проблематики “камень преткновения” связан с трудностями научного системного анализа географических образов, замещающих и/или выражающих ядро цивилизационной идентичности. Трудности же авторов репрезентативных текстов находятся в области синкретического, нераздельного восприятия и воображения истории и географии цивилизации, “сжатии” их в своего рода ментальный “ком,” ясно выражающий эмоции автора, но затемняющий часто сами специфические планы выражения.⁸

В данном случае я попытаюсь применить метагеографический подход, для которого характерно сочетание феноменологических, культурологических и гуманитарно-географических способов анализа текстов и различного рода представлений, выраженных чаще всего теми или иными текстами.⁹ Содержательное ядро метагеографического подхода — это выявление, реконструкция метагеографического поля, в котором могут достаточно свободно соединяться и взаимодействовать различные географические образы. В отличие от традиционной географии, такое пространство не репрезентируется маркерами, символами и образами повседневности, понимаемой физически или физиологически. Налицо очевидное сходство с метафизикой, но метагеография, в отличие от нее, оперирует ментальными образованиями — географическими образами, заранее дистанцируясь от каких-либо возможных интерпретаций и спекуляций, связанных с восприятием и воображением конкретных пространств, мест и территорий. Иначе говоря, метагеографические пространства и карты, имеющие номинальное отношение к конкретным пространствам, можно представлять, рисовать, описывать, но это не

---

8 Подорога. Простирание, или География «русской души»; *Замятин Д.Н.* Стратегии интерпретации историко-географических образов России // Мир России. 2002. № 2. С. 105–139; *Замятин Д.Н.* Политико-географические образы российского пространства // Вестник Евразии: Независимый научный журнал. (Acta Eurasica). 2003. № 4 (23). С. 34–46.

9 См.: *Замятин.* Метагеография.

значит, что метагеографический анализ и его результаты могут быть прямо экстраполированы в область традиционных представлений географических или культурно-географических пространств. Такой взгляд на метагеографию позволяет вполне эффективно вычленять интересующие исследователя ментальные пласты цивилизационной идентичности, опирающиеся на образно-географические представления. Специфика метагеографии делает очень удобным ее использование в изучении взаимосвязей географических образов и цивилизационной идентичности России.

2. Пространство-цивилизация: “химический состав” русской цивилизационной идентичности

Русская цивилизационная идентичность в своем первоначальном становлении, безусловно, испытала мощное давление образцов и стереотипов развития европейских идентичностей. По сути, даже столь важный ее элемент, как географические образы пространств страны, в своем происхождении — европейский, что связано не только с типовыми образцами путевых записок европейских путешественников по России, но и с самим типом пространственно-го дискурса, традиции которого были явно заложены трудами Декарта и Паскаля. Восприятие и воображение русских пространств как безмерных в своем поистине космическом масштабе и поистине даже бессмысленных или теряющих вследствие этого какой-либо смысл для обычного человека, образованного и воспитанного в рамках европейского рационализма, стало “точкой отсчета” для первых попыток оконтуривания и развития русской цивилизационной идентичности. Понятое и пережитое в картезианском ракурсе, ужасающее в своей протяженности, пространство в трудах русских мыслителей, писателей и философов “серебряного века,” наследовавших Чаадаеву, было эмоционально приближено к читателю и участнику подобных дискурсов.

Уже сам Чаадаев заложил наиболее важные отклонения от чисто европейской модели формирования географических образов —

именно у него впервые в традиции российской мысли пространство как образ понимается вне историософского или даже геософского представления проблемы цивилизационной идентичности. Первому российскому философу удалось “перетащить” собственно европейский дискурс в принципиально иное ментальное поле — метагеографическое пространство, в котором история и география не только синкретически сливались друг с другом, но и формировали объемную, “голографическую” картину цивилизации, обязанной своим становлением тем же пространствам, которые цивилизация пытается вообразить и зафиксировать. Пространство и цивилизация оказываются как бы нераздельным, целостным ментальным и, что важно, пространственным образованием; российские пространства определили “химический состав” российской цивилизационной идентичности. И, наконец, понятая и воспринятая таким “пространственным” способом российская цивилизационная идентичность начинает свой постепенный, очень медленный и болезненный дрейф в сторону автономизации, самоосмысления себя как явления, находящегося уже вне “теплой” и родной европейской идентичности, но многим обязанной именно ей. Этот глубочайший фундаментальный мыслительный процесс не завершен и до сих пор.

3. «Скифы» Александра Блока: к синкретическим основам российско-евразийской идентичности

Пространство и эпоха — два мощных и пожалуй, всеобъемлющих образа-архетипа, которые формируются, функционируют и развиваются в общественном и культурном сознании в качестве его непосредственного ментального фундамента. При этом они, как правило, воспринимаются и — можно сказать — воображаются совместно, в тесной обоюдной связи и взаимодействии. Конечно, та картина мира, которая стала складываться к началу XX в., способствовала подобному культурному “раскладу”: пик модернизма в архитектуре, живописи, литературе, по-видимому, не случайно совпал с открытием и развитием теории относительности, со становле-

нием понятия и концепта пространства-времени. Позднейшие, уже относящиеся ко второй половине XX в. гуманитарные и научно-гуманитарные открытия, связанные с развитием искусствоведения, языковедения, филологии, когнитивной психологии, культурной географии, обусловили своеобразный фон, мыслительное поле, в рамках которых практически любые пространства и эпохи могли осмысляться, продумываться и воображаться и синхронно, и диахронно, и в то же время как прообразы других пространств и времен, ориентированных не только в прошлое, но и в активно идеологически представляемое будущее. “Скифы” Александра Блока, несомненно, относятся к тем художественным произведениям, чье значение выходит за рамки определенного периода развития русской и мировой литературы, демонстрируя исследователям и просто читателям один из начальных образных экспериментов совмещения пространств и эпох, ведущего к быстрому и как бы самопроизвольному умножению, мультиплицированию образов — не только художественных и/или историософских, но также географических и геософских — раскрывающихся, однако, только в плотных “сцепках,” сплотках друг с другом.

Образ страны наиболее ярко репрезентируется, как правило, в художественных произведениях — литературных, живописных, музыкальных, кинематографических, фотографических и т.д. В ту или иную эпоху этот образ может приобретать специфические черты, благодаря которым он неотделим от конкретного, насыщенного определенными политическими и культурными событиями исторического времени. Однако картина становится более сложной, если учитывать также рецепцию репрезентированного образа страны не только современниками, но и последующими поколениями. По сути дела, происходит своего рода образная интерференция, когда различные и порой сильно отличающиеся друг от друга рецепции и интерпретации образа накладываются друг на друга, начинают взаимодействовать друг с другом (общественные, художественные, социально-политические дискуссии). Наконец, следует учесть, что исследователь, принадлежащий уже другой, иногда весьма далекой

эпохе, привносит свое видение, свою интерпретацию подобной образной интерференции. Такие условные целенаправленные упорядочения интерференционной образной картины могут происходить время от времени, создавая потенциальное пространство для будущих рецептов и интерпретаций.

Емкость художественно-географического образа. Образ России должен иметь целый ряд вариантов: Россия как европейская страна, часть Европы; как часть Азии, азиатская или восточная страна; как полупериферия Запада; как авангард Запада на крайнем востоке Европы; как пограничная (фронтирная) империя (Российская империя).¹⁰ Всеер подобных образов довольно четко выявляется в классическом произведении Александра Блока «Скифы». Все эти модификации используются по мере надобности, в зависимости от целей, задач, обстоятельств — осознанно или неосознанно.

“Скифский взгляд” на образ России благодаря блоковскому произведению, оказывается, весьма ярким и плодотворным, поскольку он позволяет художественно синтезировать различные и зачастую противоречивые представления и путях развития и судьбах России. Здесь нет надобности говорить о мощном “скифском пласте,” комплексе “скифских образов” русской культуры 1890–1920-х гг., корни которого можно проследить, начиная с XVII в.¹¹ Естественно, что поэт постарался учесть уже существующую “скифскую” художественную традицию — в том числе и в произведениях его именитых поэтов-современников — например, Бальмонта или Брюсова — скорее, на уровне “музыки,” общего культурного фона, нежели непосредственного содержания. Характерно, что Блоку удалось в создать “Скифах” действительно “богатую” интерференционную образную картину, в которой, казалось бы, несовместимые образы России сосуществуют и взаимодействуют в едином поэтико-географическом пространстве. Одна из важных предпосы-

---

10 *Замятин Д.Н.* Моделирование географических образов. Пространство гуманитарной географии. Смоленск, 1999. С. 63.

11 См., например: *Богданов А.П.* От летописания к исследованию. Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995.

лок такой образно-географической удачи — дар Блока всегда находится “внутри эпохи,” заставляя ее быть тем самым и “блоковской.” Художественное или поэтическое “присвоение” эпохи порождает многообразие поэтических пространств, нуждающихся в органичных и естественных для них географических образах.

Роль географических образов в поэтическом произведении. Географические названия, понятия, термины встречаются в поэтических произведениях довольно часто, при этом их роль может быть различной: они могут нести декоративную функцию, быть вплетены строго в смысловую или сюжетную ткань стихотворения; участвовать в создании, формировании основных образов поэтического произведения. В чистом виде эти три роли географических названий встречаются редко; чаще географическое название (термин, понятие) тех или иных пропорциях выполняет всефункции.

Географический образ в поэтическом произведении может формироваться как неявно, в «подпочве» различных исторических и культурологических образов и понятий, так и самостоятельно, открыто — на базе одного или более географических понятий, взаимодействующих между собой и со смежными историческими и культурологическими понятиями. Структура неординарного, глубокого поэтического текста создает возможности для формирования множества географических и парагеографических образов, соединяющихся в динамичную, иерархическую образно-географическую картину стихотворения, определенного поэтического мира.

В результате изучения важных примеров формирования и развития географических образов в литературных произведениях¹²

---

12 См.: *Замятин Д.Н.* Империя пространства. Географические образы в романе Андрея Платонова “Чевенгур” // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 82–90; *Замятин Д.Н.* Географические образы путешествий в русской литературе // География в школе. 2001. № 8. С. 26–29; *Замятин Д.Н.* Географические образы в комедии Андрея Платонова «Ноев ковчег» // «Страна философов» Андрея Платонова. Проблемы творчества. Вып. 5. Юбилейный. М., 2003. С. 162–170; *Замятин Д.Н.* Метагеография города: особенности и закономерности // Урбанизация в условиях трансформации социально-экономической структуры общества. Смоленск, 2003. С. 74–80; *Замятин Д.Н.* Географические образы путешествий //

можно сформулировать следующие закономерности: 1) географические образы в литературных произведениях могут играть самостоятельную роль, являясь иногда их содержательным ядром — скрытым или явным; 2) структуры и системы прикладных географических образов, формирующиеся в литературных произведениях, наиболее эффективны (с точки зрения восприятия читателем или влияния на реальные процессы) в тех случаях, когда их содержание в значительной степени отличается от содержания описаний (характеристик) реальных географических пространств-прототипов; 3) формирование и развитие структур и систем подобных географических образов во многом зависит от феноменологических особенностей художественного языка, используемого тем или иным литературным автором.

Образно-географический анализ поэмы А. Блока «Скифы». Поэма А. Блока «Скифы», написанная на переломе, разрыве исторических эпох, — удобный полигон для исследования закономерностей формирования географических образов в поэтических произведениях. Для нее характерны обилие историко-культурных параллелей и образов, создающих поле, фон, катализирующие, ускоряющие рождение и развитие целостной образно-географической картины произведения.

Ядро, центр этой образно-географической картины — образ скифов (*Скифы*), который, будучи парагеографическим и, даже, скорее, историко-культурологическим, способствует концентрации, конденсации различных и разнородных образов, претерпевая при этом последовательно ряд трансформаций и образуя динамическую ось картины. Анализ текста позволяет выделить 11 подобных «ме-

---

Культурный ландшафт: Теоретические и региональные исследования. Третий юбилейный выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт». М., 2003. С. 32–42; *Замятин Д.Н.* Русская усадьба. ландшафт и образ // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 10 (26). М., 2004. С. 51–64; *Замятин Д.Н.* Метагеография. Пространство образов и образы пространства; *Замятин Д.Н.* Круглая вечность. Образная геоморфология в романе А. Платонова «Чевенгур» // «Страна философов» Андрея Платонова. Проблемы творчества. Вып. 6. М., 2005.

таморфоз», в которых образ *Скифы* меняет внешние оболочки (упаковки) (Схема 1). Эти упаковки достаточно разнородны и включают в себя географические (Восток, Россия, Париж), историко-этнологические (монголы, гунны), исторические (Сфинкс, варвары) понятия (образы). Меняя эти оболочки, Скифы «выбрасывают», выталкивают в окружающее их пространство картины (поэтико-географическое пространство) уже практически сформированные, самостоятельные географические и парагеографические образы, приобретающие при этом особенную, «скифскую» окраску.

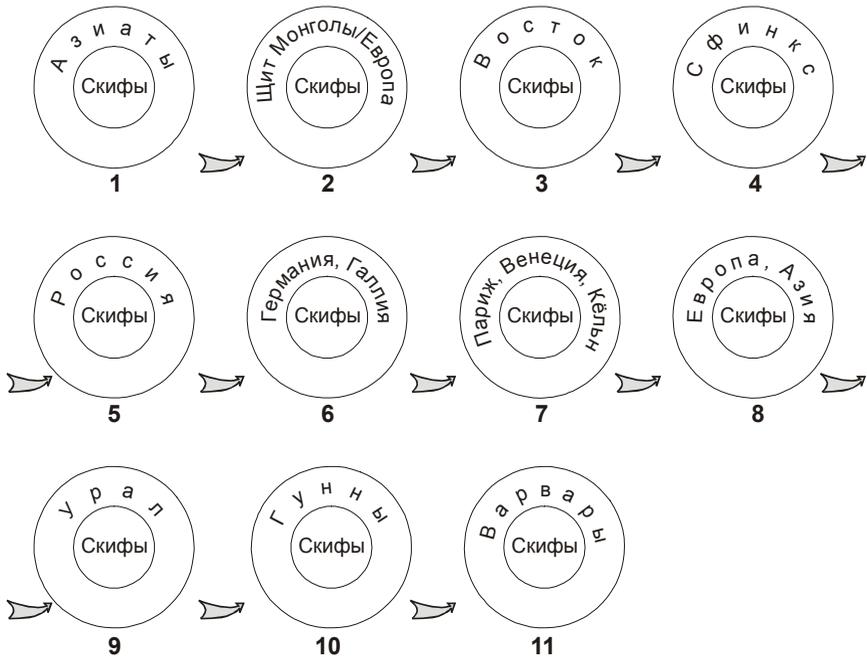
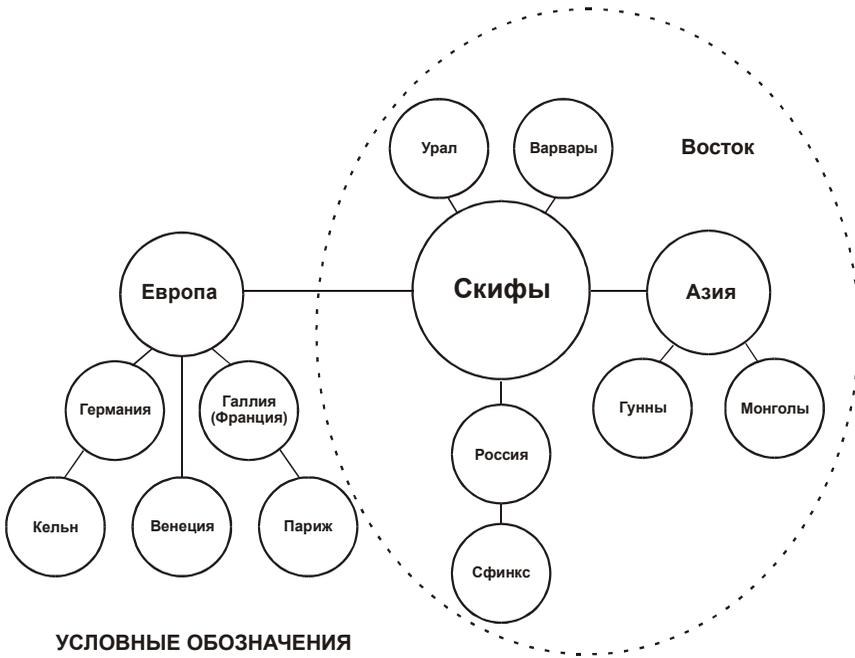

Схема 1 «Метаморфозы» образа *Скифы*.

Образы, составляющие последовательно сменяющиеся оболочки ядерного образа *Скифы*, можно разделить на два типа: 1) образы тождественные, синонимические образу *Скифы*, — это *Азиаты*, *Россия*, *Восток*, *Сфинкс*, *Урал*, *Варвары*, и 2) образы пересекающиеся, взаимодействующие с образом *Скифы*, но не тождественные ему — это *Монголы*, *Европа*, *Германия*, *Галлия*, *Париж*, *Венеция*, *Кельн*, *Азия*, *Гунны*. Таким образом, динамическую поэтико-географическую картину произведения составляют центральный парагеографический образ *Скифы*, 11 его основных «упаковок»; 15 тождественных центральному образу или пересекающихся с ним образов, формирующих структуру, ткань поэтико-географического пространства.

Поэтико-географическое пространство «Скифов» организовано иерархически; 1-й иерархический уровень — образ *Скифы*, от этого ядерного образа идут связи к образам 2-го и 3-го уровней (Схема 2). Систему взаимосвязанных образов стихотворения можно представить как *семантическую сеть*, в которой четко выделяется «западный», европейский фланг, включающий образы, содержательно объединенные понятием Европы; и «восточный» фланг, составляющий большую, доминирующую часть или регион поэтико-географического пространства. Сюда отнесен сам образ *Скифы* и ряд образов, объединяемых общим *образом Востока*. Сложность, разветвленность поэтико-географического пространства характеризует мощь, силу центрального образа.

Анализ поэтико-географического пространства исследуемого произведения позволяет определить, выделить его наиболее важные внутренние взаимосвязи и структуры — это: 1) связь *Скифы* — *Монголы*, сильнейшим образом расширяющая и формирующая границы поэтико-географического пространства стихотворения (хотя собственно исторические сведения о скифах и монголах позволяют сближать их только на основе сходных кочевых типов хозяйства и географического положения на разных концах Великой евразийской степи) и 2) ключевая, узловая структура *Европа* — *Скифы* — *Азия*,

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Географические образы

I порядка

II порядка

III порядка

Образно-географический контекст

Схема 2 Структура поэтико-географического пространства «Скифов».

на которой «держится» каркас, структура всей системы ГО (географический образ) стихотворения. Эту узловую структуру можно представить как *дихотомию* (Схема 3), в которой образ *Скифы* расчленяется, разделяется поэтической логикой стихотворения на образы *Европа* и *Азия*.

Представленная образно-географическая картина поэтического мира «Скифов» составляет лишь верхний видимый «слой» образов, прикрывающий ряд географических образов (историко-географических образов), находящихся как бы в почве, глубинном слое поэтико-географического пространства. Здесь можно выделить образы, непосредственно связанные с верхним «слоем» — например, образы Португалии и Италии, расширяющие, продолжающие образы Лиссабона и Мессины; и слой более незаметный, выявляемый опосредованно, путем реконструкции, «археологических раскопок» — так, образ Галлии привязан к более фундаментальным, архетипическим образам Рима и Греко-римской цивилизации; образ варваров опять приводит к *Риму* и *Греции*; *Сфинкс* — к древнему *Египту*, *Монголы* — к *Тюркам* и *Китаю*. Детальный поиск подобных глубинных образов может привести к увеличению размеров поэтико-географического пространства, усложнению его организации, иерархии и стратификации.

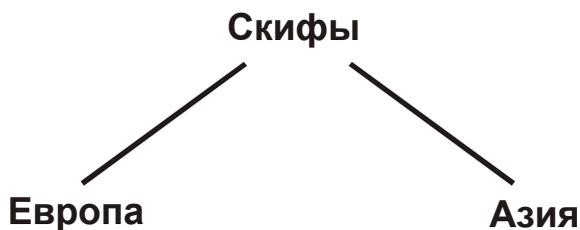

Схема 3 Узловая структура поэтико-географического пространства «Скифов».

В целом поэтико-географическое пространство «Скифов» обладает очевидной способностью к расширению, экспансии; к включению в свой состав новых географических и парагеографических образов, обнаруживаемых в его глубинных слоях и усложняющих образно-географическую картину произведения. При этом оно наращивает определенную автономию, самостоятельность по отношению к другим внутренним параметрам (качествам) самого поэтического произведения (историко-литературное и историко-культурное значение, художественные качества, поэтическая и литературная значимость, сложность и т.д.). Наличие крупного, устойчивого ядерного географического или парагеографического образа (в данном случае — *Скифы*) — важное условие формирования развитого, разнообразного (также и в буквальном смысле — *разно-образного*) поэтико-географического пространства.

Образно-географический анализ поэмы А. Блока «Скифы» показывает, что парагеографический (геоисториософский) символ скифов притягивает к себе как географические, так и негеографические символы и архетипы. В то же время практически любой географический знак, символ и архетип, входящий в определенный географический образ, может иметь историко-культурные, политические, историософские, экономические и др. значения (коннотации).

Художественно-географические образы обеспечивают взаимодействие порой очень удаленных, сильно дистанцированных в пространстве и времени знаков и символов. Использование и развитие А. Блоком первоначально парагеографического образа скифов в одноименном стихотворении привело к наложению и соединению образов Запада и Востока, азиатских степей и освоенных территорий Европы, Урала и Франции, и т.д.

Географические образы, формирующиеся в художественных текстах, как правило, гетерогенны, неоднородны по своему происхождению. Источниками таких образов могут выступать сведения из СМИ, какие-либо научные факты, концепции; художественные образы и символы; биографические события. Такая гетерогенность

ведет к структурной неоднородности формирующихся географических образов, когда используемые и разрабатываемые знаки, символы и образы имеют различную содержательную насыщенность и разный потенциал содержательного взаимодействия. В поэме Блока образ Мессины формируется в основном за счет сведений о мессинском землетрясении 1908 г., полученных преимущественно из СМИ; соответственно, содержательная емкость этого образа сравнительно невелика — он выполняет подчиненную роль в образно-географической картине (модели) произведения. В то же время, образ Урала формируется в основном не за счет простых географических сведений об этой горной системе, а за счет богатой художественной и культурной традиции осмысления этого образа в русской поэзии, развивающего, в свою очередь, античные и средневековые, представления.

“Скифы” Александра Блока демонстрируют в яркой художественной форме кризис европоцентристской картины мира в русской модернистской культуре и ментальный — историсофский и геософский — поворот к “евразийской” картине мира. Русское евразийство, которое начало стремительно развиваться чуть позднее, фактически выросло из этого культурного кризиса эпохи и проявилось не только статьями и книгами официальных “евразийцев” — мыслителей и философов русской эмиграции, но и художественными произведениями таких русских писателей и поэтов, как, например, Андрей Платонов, Борис Пильняк, Борис Пастернак, Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Леонид Леонов. Но дело обстоит бы слишком просто, если бы можно было свести содержание и форму стихотворений, поэм, рассказов или романов к наглядной иллюстрации фундаментального поворота в русской культуре. Как всегда, картина неизмеримо сложнее: любая интерпретация художественного произведения должна быть объемной, более широкой, нежели требования дисциплинарного “вписывания” или приписывания содержательных смыслов произведению; иначе говоря, всякое значительное художественное произведение “излучает” свои образы как в будущее, так и в прошлое, как “вовнутрь” материнского, субстрат-

ного географического пространства, так и вовне его — радикально меняя и образы эпох, и образы пространств. При этом и сами образы, несмотря на неизменность, казалось бы, текста произведения, могут меняться, трансформироваться, описываться и характеризоваться различными способами, порождая расходящиеся пространственно-временные вариации и интерпретации произведения.

Сама скифская “идея” произведением Блока, всем его образным строем стала неузнаваемой, стала совершенно другой, нежели ее более ранние и/или параллельные художественные репрезентации. Классически ясный, почти не терпящий образных слов язык Блока столкнулся с почти впервые описываемой на таком онтологически серьезном уровне метагеографией России (в “Двенадцати” такой задачи нет, поэтому языковые новации фиксируют лишь динамизм самой эпохи перехода). Нельзя сказать, что язык “потерпел” образную неудачу. Выше уже говорилось о том, что поэма Блока есть удача в образно-географическом смысле. Но если прилагать эту удачу к выросшей внезапно в ходе интерпретации задаче метагеографического представления России, то обнаруживается поверхностный мелодраматизм гораздо более глубокой онтологической трагедии разрыва не только эпох, но и пространств — родственных, но стремительно отдаляющихся друг от друга. Весь метагеографический пафос “Скифов” — в надуманном, но от того не менее значимом столкновении образов Европы с европейскими же по происхождению образами варваров, Азии, Востока. Борьба Европы с пара-Европой ведет к формированию и расширению образной расщелины, к первичному возникновению фрагментов новой метагеографической карты, где протейский по сути образ скифов являет и синкретические поначалу основы российско-евразийской идентичности.